

УДК 34

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ЭВТАНАЗИЯ

Валитов Тимурмали Альфредович

студент

Оренбургский институт (филиал) Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)"
Россия, г. Оренбург

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена нарастающим противоречием между абсолютным запретом эвтаназии в российском законодательстве и объективным общественным запросом на легализацию её отдельных форм, подтверждаемым, в частности, явлением «суицидального туризма» в Швейцарию, Нидерланды и Бельгию. Кроме того, распространение коронавирусной инфекции и вынужденные изменения в работе системы здравоохранения обнажили проблемы правовой неопределённости при отказе от реанимационных мероприятий и вегетативном существовании пациентов.

Ключевые слова: эвтаназия, право на жизнь, право на смерть, ассистируемый суицид, пассивная эвтаназия, суицидальный туризм, паллиативная помощь, правовое регулирование, Российская Федерация.

THE RIGHT TO LIFE AND EUTHANASIA

Valitov Timurgali Alfredovich

student

Orenburg Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher
Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Russia, Orenburg

Abstract. The relevance of the study is due to the growing contradiction between the absolute prohibition of euthanasia in Russian legislation and the objective public demand for the legalization of its certain forms, evidenced, in particular, by the phenomenon of «suicide tourism» to Switzerland, the Netherlands and Belgium. Moreover, the spread of coronavirus infection and forced changes in the functioning of the healthcare system have exposed the problems of legal uncertainty regarding the refusal of resuscitation measures and the vegetative existence of patients.

Keywords: euthanasia, right to life, right to death, assisted suicide, passive euthanasia, suicide tourism, palliative care, legal regulation, Russian Federation.

Проблема эвтаназии носит междисциплинарный характер, объединяя вопросы биоэтики, медицинского права, уголовного права и философии. В настоящее время в мире сложилось три основных подхода: абсолютный запрет под угрозой уголовного наказания (Россия, Китай, большинство стран СНГ); выделение специального состава с более мягкой санкцией (Германия, Япония, Южная Корея); легализация при соблюдении строгих условий (Нидерланды, Бельгия, Швейцария) [3, с. 25–26]. Российское законодательство (ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ) прямо запрещает эвтаназию, приравнивая её к убийству по ст. 105 УК РФ, а мотив сострадания может учитываться судом лишь как смягчающее обстоятельство, но не исключает уголовной ответственности. По справедливому замечанию О.С. Капинус, такая правовая конструкция не учитывает особой этико-правовой природы эвтаназии, отличающей её от бытового убийства [4, с. 312].

Ключевой доктринальной проблемой российского медицинского права является отсутствие чёткого теоретического разграничения между пассивной эвтаназией и правомерным отказом пациента от медицинского вмешательства. С формально-юридической точки зрения пассивная эвтаназия по объективным проявлениям совпадает с отказом от лечения, закреплённым в ст. 33 Федерального закона № 323-ФЗ. Это порождает внутреннюю коллизию: одно и то же деяние оказывается либо законным осуществлением автономии пациента, либо уголовно наказуемым деянием. Как обоснованно указывает Ю.В. Казимирская, «право на эвтаназию, будучи одним из правомерных ограничений права на жизнь, предполагает не абсолютный характер правомочия по распоряжению своей жизнью, а его минимальную степень, обусловленную интересами личности в исключительных случаях, когда жизнь уже не является благом» [5, с. 17].

Анализ зарубежного опыта показывает, что страны, легализовавшие активную эвтаназию, выработали многоступенчатые контрольные механизмы: обязательная консультация независимого врача, этические комитеты, уведомление прокурора, ведение публичных реестров. Количество смертей в результате эвтаназии составляет около 0,3–0,45% от общего числа, что опровергает тезис о неизбежной «эпидемии убийств» [6, с. 10]. Вместе с тем практика распространения эвтаназии на несовершеннолетних в Бельгии и Нидерландах вызывает серьёзные этические возражения и не может быть воспринята российской правовой системой, исходя из конституционного приоритета защиты детства [2].

Особого внимания заслуживает позиция Европейского Суда по правам человека. В деле «Претти против Соединённого Королевства» (жалоба № 2346/02) заявительница с полным параличом просила не преследовать её супруга за помощь в самоубийстве, утверждая, что право на жизнь включает право на смерть. ЕСПЧ отклонил жалобу, указав, что статья 2

Европейской конвенции не может толковаться как предоставляющая право на смерть или право на самоопределение в выборе смерти вместо жизни [7]. Однако практика «суицидального туризма» и решения национальных судов (например, Верховного суда Канады в деле *Carter v. Canada*) свидетельствуют о постепенной эволюции подходов: от абсолютного запрета к признанию права на достойную смерть в терминальной стадии заболевания.

В Российской Федерации фактически существует «бытовая эвтаназия», совершаемая родственниками без медицинского контроля. Такие деяния квалифицируются по ст. 105 УК РФ, но суды нередко назначают условное наказание, признавая сострадание смягчающим обстоятельством [5, с. 17]. Отсутствие легальной процедуры вытесняет проблему в криминальную сферу, порождает правовую неопределённость и неравенство: лица, имеющие возможность выехать за рубеж, получают доступ к ассистированному суициду, тогда как социально незащищённые граждане такой возможности лишены.

На основании проведённого анализа предлагаются следующие пути решения проблемы.

1) На доктринальном уровне требуется пересмотреть доминирующую абсолютную трактовку права на жизнь. Жизнь должна признаваться благом лишь постольку, поскольку она позволяет человеку реализовывать свою автономию. Отказ от жизни при наличии объективных критериев не противоречит конституционной ценности человеческого достоинства.

2) Предлагается внести изменения в ст. 45 Федерального закона № 323-ФЗ, разрешив пассивную эвтаназию для пациентов в вегетативном состоянии с доказанной необратимостью поражения мозга либо для дееспособных лиц с терминальной стадией заболевания, причиняющего некупируемые страдания. Обязательными условиями должны стать: информированное добровольное согласие пациента, а при необратимой коме — согласие законных представителей; заключение не менее трёх врачей; обязательное уведомление прокурора и этического комитета; право врача на отказ от участия в процедуре по мотивам совести.

3) Необходимо дополнить Уголовный кодекс РФ примечанием к ст. 105, освобождающим от ответственности медицинских работников за действия (бездействие) в рамках законодательно установленной процедуры пассивной эвтаназии, либо ввести специальный состав с санкцией по аналогии с параграфом 216 Уголовного кодекса ФРГ [8].

Заключая, следует отметить: отказ от абсолютного запрета эвтаназии не является призывом к обесцениванию жизни. Напротив, он выступает признанием автономии личности и права человека на самоопределение, включая решение о времени и способе собственной смерти в ситуации неизбежного и мучительного умирания. Российское законодательство, сохраняющее жёсткий запрет без дифференциации форм эвтаназии, нуждается в реформировании по пути, уже пройденному многими европейскими государствами. Предлагаемый подход, ограниченный

строгими процедурными условиями и ориентированный исключительно на пассивную форму эвтаназии для терминальных пациентов, позволит найти баланс между обязанностью государства защищать жизнь и уважением к достоинству человека, для которого продолжение существования превратилось в невыносимое бремя. До легализации активной эвтаназии приоритетным направлением должно оставаться развитие паллиативной помощи и совершенствование механизмов информированного отказа от лечения.

Список литературы:

1. Ричардс Н. Ассистируемое самоубийство как средство от страданий? Предпочтения британских «суицидальных туристов» в конце жизни // Медицинская антропология. 2017. Т. 36, № 4. С. 348–362. DOI: 10.1080/01459740.2016.1255610.
2. Гейдарова Е.Н. Реализация права на охрану здоровья в контексте проблемы права на эвтаназию в международном и национальном правовом поле : магистерская диссертация. М., 2022. 127 с.
3. Елисеева Г.В. Эвтаназия: отечественный и зарубежный опыт правового регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19, № 1. С. 23–38. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-23-38.
4. Капинус О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь : монография. М. : Камерон, 2006. 479 с. ISBN 5-9594-0019-2.
5. Казимирская Ю.В. Право на эвтаназию как ограничение права на жизнь (сравнительно-правовой аспект) // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 16–18.
6. Огунбаньо Г.А., Кнапп ван Богарт Д. Есть ли место добровольной активной эвтаназии в современной медицине? // Южноафриканская семейная практика. 2013. Т. 55, № 1. С. S10–S11. DOI: 10.1080/20786204.2013.10874314.
7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 апреля 2002 г. по делу «Претти против Соединенного Королевства» (Pretty v. The United Kingdom), жалоба № 2346/02. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 21.04.2026).
8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия (Strafgesetzbuch – StGB) от 15 мая 1871 г. (ред. от 10 октября 2021 г.) § 216. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/ (дата обращения: 21.04.2026).